

ДЖОЗЕФ С. РЕЙНГОЛЬД

МАТЬ, ТРЕВОГА И
СМЕРТЬ. КОМПЛЕКС
ТРАГИЧЕСКОЙ СМЕРТИ

Джозеф Рейнгольд

**Мать, тревога и смерть.
Комплекс трагической смерти**

«Когито-Центр»

УДК 159.9
ББК 88

Рейнгольд Д. С.

Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти /
Д. С. Рейнгольд — «Когито-Центр»,

Книга рассчитана на практических и медицинских психологов, а также будет
полезна детским врачам – психоневрологам и психотерапевтам.

УДК 159.9

ББК 88

© Рейнгольд Д. С.
© Когито-Центр

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	10
Глава 1	12
Абстрактно-философские концепции смерти	13
Индивидуально-психологические концепции смерти	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джозеф С. Рейнгольд
Мать, тревога и смерть.
Комплекс трагической смерти

© В.М. Астапов, перевод, научное редактирование, 2004

© И. Метлицкая, перевод, 2004

© ООО «ПЕР СЭ», оригинал-макет, оформление, 2004

Предисловие к русскому изданию

В предисловии к этой, к сожалению, поздно дошедшей до нас книге я не буду, как это обычно принято, пытаться пересказывать или анализировать ее основное содержание. Это связано с тем, что мне не хочется лишать читателя удовольствия самостоятельного знакомства с работой, оказавшей большое влияние на современные исследования проблемы смерти. Кроме того, мне не хочется своим субъективным отношением повлиять на мнение об оригинальной концепции, разработанной Дж. Рейнгольдом. Свою задачу я вижу лишь в том, чтобы обрисовать проблемное поле существующих исследований о смерти.

Представления о смерти пронизывают как всю историю человечества, так и индивидуальную историю каждого конкретного человека. Тем не менее, для психологии эта проблема относительно нова. Во многом это происходит из-за того, что современное общество имеет тенденцию к дистанцированию от смерти, ее отрицанию, возведенном в современной культуре едва ли не в ранг социальной нормы. С другой стороны, недостаток внимания психологии к этой проблеме можно объяснить трудностью удержать проблематику на должном научном уровне. И, хотя еще Л. С. Выготский отмечал, какую значительную роль играет смерть в жизни каждого человека, систематизируя и осмысляя ее, и насколько, поэтому, важно изучение этой проблемы, состояние современного понимания психологии смерти как у нас в стране, так и за рубежом представляет совокупность нерешенных теоретических проблем с редкими конкретными результатами исследований.

Вместе с тем, проблема психологического изучения смерти представляется весьма актуальной, и может найти отражение, как в общей, так и клинической психологии. Исследования представлений о смерти могут проливать свет на понимание таких феноменов как самосохранение и агрессивность, проблемы доминирования и власти. Клинические исследования в этой области могут помочь пониманию психологических механизмов возникновения и протекания различных психопатологических состояний, а также ранней диагностики и профилактики склонности к аутодеструктивному и суицидальному поведению. Успехи современной медицины сформулировали запрос со стороны практики на исследование ситуаций, провоцирующих танатофобию, таких как предоперационное состояние, состояние терминальных больных и т. п.

Вопрос о том, когда же смерть явилась человеку представленной в сознании, остается открытым. Антропологические исследования показывают, что уже в традиционных, первобытных обществах проблема смерти получила свое специфическое отражение. В начале как попытка ритуального, мифологического понимания проблемы соотношения жизни и смерти, а позже, уже в научно-реалистическом подходе, эти идеи получили развитие в представлениях о влиянии смерти (и фактически, и феноменально) на жизнь и поведение человека.

Как и все другие предметы, ныне изучаемые наукой, проблемы смерти берет свое начало главным образом, из философии, однако, ее отличает то, что она до сих пор продолжает находиться в сфере интереса философского и эзотерического знания. Эта область представлений о смерти демонстрирует многообразие вероятных путей преодоления неизбежности смерти. Другим источником наших представлений о смерти являются произведения культуры, которые, по мнению многих исследователей, являются лишь попытками совпадения с ужасом смерти, который, по признанию Дж. Рейнгольда у творческих личностей достигает катастрофических размеров. Подобным же образом, религия предоставляет человеку наиболее легальный способ преодоления ужаса смерти и пути ее понимания.

Собственно же психологический интерес к смерти, как отмечает другой известный исследователь данной проблемы Э. Беккер берет начало из эволюционной теории Дарвина, который понимал ее, как главный стимул эволюционного развития.

В истории культуры, религии, философии и науки можно выделить два основных, взаимоисключающих понимания смерти, которые оказали значительное влияние на формирование психологического понимания смерти. Джозеф Рейнгольд обозначил их как абстрактное и личностное представление о смерти.

К наиболее влиятельным абстрактным представлениям можно отнести идеи о превращении или перерождении, которые возникли из потребности примирения человека со смертью и выражаются в отрицании конечности существования. Эти представления имеют тенденцию претендовать на роль абстрактных значений смерти, часто без учета объективных проблем возникновения человека и его смерти.

Все великие религии в русле эсхатологии предоставляют учения о продолжении жизни человека (например, в посмертном существовании души) после смерти. У. Джеймс писал, что религия для большинства людей означает только гарантию бессмертия и ничего больше, причем поставщиком бессмертия является бог, а его условием – вера в бога.

Научные теории представляют смерть как прекращение всех жизненных процессов в результате изнашивания жизненно значимых структур, либо дефицита и необратимых нарушений функций. В конце XIX века была создана теория потенциального бессмертия. В русле данной концепции смерть понималась как относительно новое приобретение эволюции, своим появлением обязанное возникновению у организмов все более сложной дифференциации структур и функций. Согласно такому пониманию, смерть не является неизбежным следствием или изначальной характеристикой жизни.

Из критики и в борьбе с этой концепцией выросло учение Фрейда о влечении к смерти. Фрейд отметил, что потенциальное бессмертие организма, гипотетически представленное с позиций объективизма, не может исключать факта существования влечения к смерти как отражение субъективных психологических процессов. Он использовал представления об энтропии, которая выступает условием стремления систем к равновесию и рассматривал влечение к смерти как выражение консервативных тенденций жизни, проявляющихся в стремлении и борьбе организма за стабильность. Другой теории эндогенного происхождения смерти являлось представление о смерти как последней фазе индивидуального развития. Для объяснения ее происхождения привлекалась «метафора часов», согласно которой организм живет, до тех пор, пока работает механизм «завода», выражающийся, главным образом, в процессах питания и тропизма. То есть смерть рассматривалась как изначальное свойство жизни и неизбежное событие. В рамках этой концепции появились попытки обоснования целесообразности смерти с позиций общевидовых и даже социальных благ.

Вопрос о целесообразности смерти как психологического феномена поставил Юнг. В соответствии с его представлениями о наличии коллективного бессознательного в психике человека, смерть приобретает смысл осуществления особой жизненной цели, в противовес явно бессмысленному органическому прекращению жизни.

Само понятие смерти неопределенно в силу объективных причин: так как, с одной стороны, возможно лишь наблюдение за смертью других, и субъективным здесь являются только переживания и отклик человека на объективные обстоятельства (реакция на смерть другого); с другой стороны – собственная смерть, хотя и представляется неизбежной, может быть представлена только умозрительно и, за исключением отдельно взятых, «патологических» случаев, не наполнена конкретным, объективированным содержанием.

Кроме того, существует мнение, что человек, на самом деле, не верит в возможность собственной смерти, просто потому что он не может представить себе того, что никогда не переживал. Это кажется вполне вероятным, если обратить внимание на особенности языка, с помощью которого описывается смерть. Как правило, это опосредованное описание и понимание смерти через известные и бывшее ранее в опыте эмоциональные состояния и телесные проявления (например, метафорическое сравнение смерти с состоянием сна).

Неопределенностью смерти определяется, видимо, и ее частая символизация. Символ помогает вынести представления во вне и приписывает, таким образом, ему конкретное культурное содержание, которое, в свою очередь подразумевает конкретные культурные реакции на него. Символ позволяет опредметить представления и страх. Если, учесть значительно более тяжелое субъективное переживание неопределенной тревоги (неопределенной в силу неопределенности самой смерти), то символ дает человеку объект страха, тем самым, снижая интенсивность переживаемого.

Неопределенность смерти имеет следствием еще одно немаловажное положение. Как понятие языка, смерть является знаком, то есть «полной формой», которая наполняется конкретным содержанием в зависимости от ситуации и переживаний субъекта. Изначальная непроверяемость и неповторяемость этих конкретных событий или переживаний обуславливает их сугубо субъективный характер, что, в свою очередь, является причиной столь легкого вписывания их в любой мифологический (пусть даже научный) контекст.

Это положение имеет в основе представление о двусторонней связи любого понятия с субъективным чувственным опытом (непроверяемым и неповторяемым) – с одной стороны, и с культурно заданным мифологическим конструктом – с другой (Р. Барт). Таким образом, смерть является означающей той или иной (в зависимости от мифа) психологической реальности.

Многообразие человеческого опыта и переживаний, с ним связанных, определяет многообразие возможных мифологических конструктов, в которые они могут быть включены; а стремление к определенности (в противовес неопределенности) обуславливает необходимость существования таких конструктов. Таким образом, постулируется неисчерпаемое многообразие культурно обусловленных символов (знаков) смерти. Однако мифологичность наших представлений (в основе несущая защитную функцию) может оказывать и отрицательное влияние. Так, она подменяет свободные переживания на переживания, легко встраивающиеся в структуру принятого мифа. Например, в условиях смертельной опасности признание человеком страха будет зависеть, среди прочего, от социальной роли и того мифа, который диктует нормы поведения и переживания, приличествующие данной роли.

В большинстве случаев при интерпретации представлений о смерти, как указывали Р. Кастенбаум и Р. Айзенберг оказывается недостаточно указания одной или двух содержательных характеристик. Кроме того, представления о смерти не всегда являются единым, внутренне согласованным образованием. Э. Беккер также подчеркивал комплексность представлений о смерти, указывая на повсеместность и универсальность этого свойства. Основа объяснения этой характеристики лежит в понимании образования и интеграции внутреннего опыта человека: когда изначально комплексное детское мышление участвует в образовании и понимании понятия смерти через объединение рационально противоречивого опыта аффективному признаку.

Говоря об основных характеристиках понятия смерти у современного человека Р. Кастенбаум и Р. Айзенберг подчеркивают, что оно в сознании человека всегда относительно. Эта относительность заметно проявляет себя в представлениях о смерти в зависимости от уровня развития человека. Авторы подчеркивают важность учета возрастных особенностей для интерпретации представлений о смерти, при этом, утверждают они, следует учитывать не только хронологический возраст, но и когнитивно-эмоциональные характеристики конкретного этапа.

Другие исследователи подчеркивали относительность и зависимость представлений о смерти от культурных особенностей, выступающих в качестве общего базиса большинства человеческих представлений. Эту особенность можно проследить в наблюдениях многих антропологических исследованиях, где указывается, что неразвитость естественнонаучных

представлений и изначальная пралогичность мышления оказывает влияние на представления и отношение к смерти у традиционных народов.

Факт существования культурного влияния на характер представлений о смерти неоднократно подчеркивалось американскими исследователями. Они указывали на феномен своеобразного (табу) на тему смерти в современном американском обществе. Этот запрет, объективно выражающийся в дистанцировании от жизни субъекта похоронного ритуала, приводит к значительному повышению тревожности и страха смерти. Однако, лишь непосредственное соприкосновение со смертью предоставляет средство для совладения со страхом. Недаром рядом авторов подчеркивается психотерапевтический эффект любого похоронного ритуала.

Кроме того, в процессе жизни человека представления о смерти могут изменяться. При интерпретации представлений о смерти необходимо помнить, что интерпретация будет верной только в случае учета обстоятельств, в которых существует человек. То есть, отношения к смерти человека только что пережившего смерть родственника будут отличаться от представлений о смерти того же человека, но при других обстоятельствах. То, как человек представляет себе смерть в каждый конкретный момент, зависит от множества ситуационных факторов. Конкретная ситуация может акцентировать ту или иную сторону представлений о смерти. Влияние ситуационных факторов может даже стимулировать переоценку прежних представлений смерти и о сознание новых.

Подобные процессы можно наблюдать у терминальных больных. Наблюдения за больными в хосписах демонстрируют зависимость представлений о смерти и отношения к ней в соответствии с этапом диагностического процесса (до постановки диагноза, непосредственно после и на относительно отдаленных после постановки диагноза этапах). Смерть из чего-то неопределенного превращается в конкретное событие, имеющее вполне определенные сроки, что, несомненно, оказывает влияние на течение аффективных и когнитивных процессов личности, на личностную структуру пространства и времени. И, наконец, самое важное представления о смерти могут проявлять себя в поведении. Эта характеристика связана со смыслообразующей функцией смерти.

Ф. Арьес в своей монографии «Человек перед лицом смерти» подробно описал, как на протяжении многовековой истории человечества жизнь и деятельность человека определялись представлениями о смерти, как смерть встраивалась в систему ценностей человека и занимала там соответствующее место, в зависимости от отношения к ней.

Влияние представлений смерти на жизнь человека сейчас кажется вполне очевидной, несмотря на заметный недостаток исследований в этой области. Хочется надеяться, что появление книги Джозефа Рейнгольда на русском языке будет способствовать росту отечественных исследований в этой очень важной области современной психологии.

С.Н. Енколопов, кандидат психологических наук

Предисловие

В этой книге представлены три неразрывно связанные предметы исследования: материнско-детские отношения, значение тревоги и психология смерти. Нельзя обсуждать тревогу, не обращаясь к теме смерти, или рассматривать смерть без обращения к тревоге; точно также невозможно исследовать источник тревоги или психологию смерти без анализа материнского влияния. Я попытался интегрировать все три темы в концепцию комплекса трагической смерти: главной его движущей силой является базисная тревога, порожденная определенными импульсами со стороны матери.

Так как сущность материнско-детских отношений была подробно рассмотрена в книге «Страх быть женщиной: теория материнского разрушительного влияния» (1), здесь она представлена в сокращенной форме (глава 4 и параграф о развитии личности в главе 6). Клиническая документация – основа теории – в данной книге не представлена.

Обсуждение тревоги (глава 5) в первую очередь связано с базисной тревогой, но мое первоочередное намерение состоит в том, чтобы внести вклад в понимание тревоги в целом. Freud (2) писал, что «проблема тревоги является узловой точкой многих наиболее важных вопросов; загадкой, разрешение которой должно пролить свет на всю нашу психическую жизнь». Эта загадка остается неразгаданной, о чем свидетельствует все еще вызывающий споры сам предмет исследования. Я надеюсь, что вынесение тревоги в контекст комплекса трагической смерти сможет помочь в выяснении ее происхождения, природы и патогенеза. Каким образом рассматриваемый комплекс влияет на нашу психическую жизнь, а также о коррекции отклонений, вызванных им, я попытаюсь рассказать в главе 6.

При обсуждении психологии смерти областью нашего основного интереса является страх перед ней, который, по наблюдению Zilboorg (6), хотя и естественен, требует серьезного анализа для его понимания. Если мы хотим хоть немного постичь мир вокруг нас, необходимо стремиться понять всю сложность этого страха как можно лучше. Я полагаю, что первым и наиболее важным шагом является разделение понятий страха небытия и страха перед уничтожением. Именно последний является источником тревоги.

Сейчас наблюдается возрождение интереса к теме смерти в работах философов, психиатров, психологов и социологов. Я пытаюсь сделать обзор литературы, которой более чем достаточно, устанавливает связь между отношениями к смерти и материнским влиянием. Философский и религиозный подходы к этой проблеме рассматриваются вкратце, так как две недавно вышедшие книги Choron (3) посвящены именно им. В главах 1 и 2 рассматривается вопрос о значениях и установках по отношению к смерти, дающих общее представление о материнской разрушительности и значении тревоги, а в главе 3 – о страхе перед смертью.

Данная работа о смерти и вызывающих появление тревоги аспектах материнского влияния нарушает два запрета. Из них наиболее фундаментальным и трудно преодолимым является взгляд на материнская разрушительность. Представление о матери как об источнике опасности вызывает у нас ощущение чего-то противоестественного. Некоторые исследователи соглашались с наложением запрета на тему смерти не только потому, что им самим присущ этот комплекс, но и потому, что они принимают идеи Freud относительно депривационной природы страха смерти.

Если бы страх смерти был бы не более чем отвращением к кончине человека как к таковой, было бы разумным последовать совету Паскаля «не реагировать на него вообще». Несогласованность данных, имеющихся в литературе о смерти, обусловлена недостаточным осознанием сложного и многогранного характера аттитюдов по отношению к смерти.

Я выражаю благодарность Jacques Choron, доктору социологических наук, доктору философии, за его кропотливый критический разбор текста, и K. R. Eissler, доктору медицинских наук, за его ценные комментарии к главам, посвященным теме смерти. Я благодарен за критические замечания Rollo May, доктору философии и Herman Feifel, доктору философии, а также A. Michael Rossi, доктору философии, за его замечания и комментарии.

Д. С. Р.

Уэллсли Хилз, Массачусетс.

Глава 1

Значения смерти

В чем смысл смерти? Этот вопрос называют «бессмысленным» (7) и «неуместным» (8). «Глупец ждет ответа» – говорит Гейне. Выходит, у нас нет выбора, кроме как примириться с бессмысленным угасанием? Именно в этом нас настойчиво убеждают некоторые экзистенциалисты. Хотя мы не можем узнать внутреннюю и окончательную природу смерти, мы можем попытаться найти ответы на другие проблемы, связанные со смертью человека – не *одно* значение, а значения. Цель смерти – тема для биологических и философских предположений, механизмы смерти объясняют действием физико-химических процессов. Но для отдельного индивидуума подлинного значения не имеют ни сущность, ни цель, ни механизм и ни какая-то другая абстракция, а только его собственная смерть или смерть близких ему людей. О смерти не думают, ее представляют или ощущают, а образы и эмоции наделяют смерть смыслом. Смысл смерти – это ее значение в контексте жизни. На Смерть нет ответа, но есть ответы на психологические проблемы, возникающие в связи с ней. Поиск же всеобъемлющего смысла и вывод о том, что смерть бессмысленна, вытекают из личных проблем индивидуума.

Я согласен с мнением Eissler (9), что «смерть может быть *преимущественно* проблемой интеллекта, а, возможно, и *первоочередной* проблемой интеллекта». Choron (10) утверждает, что с момента понимания человеком неизбежности и неотвратимости смерти, более того, понимание того, что смерть является полным уничтожением – появились психологические проблемы, связанные со страхом смерти и ощущением бессмысленности жизни. Последнее, я убежден, есть не более чем производное от страха смерти. А страх смерти является не столько реакцией на факт естественной кончины, (а, возможно, и совсем не является), сколько реакцией на угрозу трагической гибели. Основной тезис этой книги состоит в том, что психологическая проблема смерти в значительной мере сводится к страху перед угрозой трагической гибели, и эта угроза и есть источник базовой тревоги. Области психологической танатологии и сущности тревоги неотделимы друг от друга. В связи с тем, что эмпирические корни тревоги уходят в материнско-младенческие отношения, было бы логично начать наше обсуждение с темы разрушительного влияния матери, но, для лучшего понимания материнского воздействия, мы подойдем к этому предмету через рассмотрение «моделей» смерти, установок по отношению к ней и происхождения страха смерти. Ознакомившись с психологией смерти и материнского деструктивного влияния, мы будем готовы к тому, чтобы провести анализ значения тревоги.

Модели смерти можно разделить на абстрактно-философские и индивидуальные концепции. Рассмотрение первых включено только для беглого ознакомления с предметом, так как практически все в них, кроме идеи смерти как превращения, является второстепенным по отношению к тому, что мы считаем важным, для психологического исследования.

Абстрактно-философские концепции смерти

Основной предмет спора в различных интерпретациях человеческого ухода из жизни – это вопрос «дверь или стена»? Является ли смерть абсолютным исчезновением или это переход к другой форме существования? Одни ученые и философы поддерживают идею полного уничтожения, в то время как теологи и некоторые исследователи уверены, что это превращение, переход в другое состояние.

Полное исчезновение

Научные теории смерти говорят о прекращении всех жизненных процессов, включая деятельность мозга. В общих чертах они считают естественную смерть результатом либо изнашивания структуры, либо дефицита или необратимой дисгармонии функций организма. Но является ли смерть *необходимостью* — спорный вопрос. В 1892 году Weismann (11) выдвинул предположение, что одноклеточные организмы и репродуктивные клетки многоклеточных животных потенциально бессмертны. Это предположение подкрепили труды Carrel (7), которому удалось сохранять клетки организма живыми в лабораторных условиях на протяжении периода, намного превышающего естественный жизненный цикл животного, у которого эти клетки были взяты. С теорией о потенциальном бессмертии форм жизни с недифференцированными соматическими и половыми клетками соглашаются некоторые биологи. Pearl (12) считает, что жизнь, в своей основе, – бесконечна, и что смерть не является необходимым дополнением жизни или ее следствием, но относительно новым феноменом, который появился только когда и только потому, что в ходе эволюции появилось разделение функций. Ни старение, ни естественная смерть не являются неизбежным следствием или атрибутом жизни; смерть приносит специализация функций, а не какие-то присущие отдельным клеткам процессы умирания.

Точке зрения, что жизнь по своей сути является бесконечной, противостоят определенные научные теории и философские подходы. Примерно в одно и то же время были обнародованы две концепции об имманентности смерти – теория Freud об инстинкте смерти и закон Ehrenberg о необходимости смерти. Долгая полемика по поводу инстинкта смерти в настоящее время практически подошла к концу в связи с неприятием этой концепции большинством исследователей. Money-Kyrle (14) полагает, что инстинкт смерти не может быть инстинктом в обычном понимании, так как любой инстинкт развивается в ходе эволюции, для сохранения отдельной особи и вида в целом. Alexander (15) приходит к заключению, что теорию инстинкта жизни и смерти следует рассматривать не как попытку описать действующую силу инстинкта, а как философскую абстракцию. Лично мое несогласие с этой теорией прагматично: допущение существования инстинкта смерти имеет тенденцию недооценивать эмпирическое происхождение человеческого стремления к саморазрушению, а также роль межличностных отношений матери и ребенка.

В соответствии с законом Ehrenberg о необходимости смерти (16), жизнь – это непрерывный переход от существования к небытию. Этот переход не вызван свойствами клеток или организмов, но он является выражением сущности жизни: превращением чего-то разобщенного в структуру. Тезису о возможности бесконечной жизни у одноклеточных организмов он противопоставляет мнение о смерти как об окончании индивидуального жизненного процесса. По этому поводу Freud возражает, что, даже если бы простейшие одноклеточные организмы были бы бессмертны, (в понимании Weismann), его утверждение о смерти как о более позднем приобретении, могло бы быть отнесено только к самому явлению, но не исключало бы возможность существования процессов, ведущих к ней. Очевидно, что если смерть является

эволюционной случайностью, ни теория инстинкта смерти, ни представления о смерти как о сущности бытия не являются надежными.

Обе гипотезы принимают идею энтропии, точно сформулированную Ehrenberg (определяющего для смерти в биологии место, аналогичное месту абсолютного нуля в термодинамике), и подразумеваемую Freud в его концепции инстинкта как выражении консервативной природы живых существ или стремления к стабильности. Аналогия с энтропией ошибочна, так как нельзя провести корректное сопоставление замкнутых систем, как требует второй закон термодинамики, и открытых биологических системам. И теория Freud, и теория Ehrenberg уязвимы в своих фундаментальных положениях – идее о потенциальном бессмертии клеток, и о принципе энтропии.

Были предложены другие объяснения эндогенного характера смерти, такие, как последняя фаза индивидуального развития, необратимое угасание процессов питания, тропизм, а также механизм, подобный заводу в часах, который постепенно приходит к концу. Каким бы ни было объяснение, ученые сходятся во мнении, что смерть – это неотъемлемая часть жизни (исключая одноклеточные организмы). Carrel, который продемонстрировал потенциальное бессмертие изолированных соматических клеток, тем не менее писал, что смерть «является необходимым и обязательным условием жизни». Это «не несчастный случай, привнесённый извне. Это часть нас самих. Она заложена в генах яйцеклетки».(7)

С античных времен религиозная и философская мысль разделяли идею имманентности смерти. «Для всех созданий смерть уготована изначально» говорит Талмуд. Сенека писал, что «даруя жизнь, она, с первого же часа, посягает на нее», а сэр Thomas Browne отмечал, что «мы живем со смертью и умираем не мгновенно». Фейербах говорит, что «с самого рождения смерть таится в нашем мозге костей». Simmel уверен, что смерть с самого начала граничит с жизнью; смертный час является просто последней фазой непрерывного процесса, начавшегося еще при рождении. (18)

Абстрактная идея о непрерывности и, следовательно, неизбежности смерти резко расходится с личной установкой по отношению к смерти. Смерть – это нечто, «противоположное» жизни, происходящее случайно или по чьему-то злему умыслу. Она является несомненным фактом, но в то же время кажется невозможной для себя лично. Не может смерть быть и полным исчезновением потому, что то, что делает человека существом, наделенным сознанием, продолжает существовать и после физической смерти.

Еще один вопрос абстрактного свойства заключается в том, является ли смерть, воспринимаемая как тотальное уничтожение, абсолютным обесцениванием всех ценностей, или целью, или достижением цели? Утверждение Freud, что «целью всей жизни является смерть» (17) вытекает из его представления об инстинкте смерти, и в этом смысле все биологи и философы, считающие смерть неотъемлемым свойством жизни, рассматривают прекращение существования как конечную цель жизненного процесса. В позитивном значении, если взглянуть на смерть в процессе эволюции, она есть ничто иное, как плата за движение вперед и социальный прогресс. Смерть – «это уловка Природы, дабы создать еще более буйную жизнь» говорит Гете. По мнению de Chardin (19), для современного этапа человеческой эволюции, или «ноогенеза», (того, что Джулиан Хаксли называет «психологической эволюцией»), ...«смерть является постоянным, необходимым условием замены одного индивидуума другим в процессе существования», «необходимым рычагом управления в механизме жизни».

Но в чисто психологическом смысле, может ли завершение жизни считаться достижением? Jung (20) убежден, что коллективное бессознательное побуждает относиться к смерти как к выполнению жизненного предназначения и к цели жизни в чистейшем смысле, а не как к простому бессмысленному прекращению существования. «Каждый, кто придерживается рационалистической точки зрения на этот предмет, психологически изолирует себя, а также идет против своей собственной человеческой природы». Подобным же образом Eissler (9) рассмат-

ривает смерть как исполненный значения процесс, в котором предшествующая жизнь находит свое завершение, и посредством которого все предшествующие жизненные процессы сходятся в одну точку. Он основывается на предположении, что человеческая смерть всегда является конечным результатом всей его жизненной истории, и не может произойти вне связи с динамическим развитием личности этого человека. В этом случае смерть является необходимым, логическим и осознаваемым результатом жизненного процесса. По моему мнению, это крайнее выражение психического детерминизма весьма уязвимо; хотя в некоторых случаях смерть можно представить себе как некое завершение динамических тенденций, само это завершение вовсе не является выполнением предназначения. Хотя некоторые личные побуждения могут найти свое удовлетворение в связи со смертью, все же ее абстрактное значение как исполнение некоего предназначения кажется мне мистическим.

Marcuse (21) считает, что позитивная установка по отношению к смерти возникла в ходе исторического процесса. Он указывает, что, по мере развития западного мышления, интерпретация смерти варьировала от понятия смерти как простого естественного явления до идеи смерти как цели жизни, отличительной черте человеческого существования. «Восхваление» смерти берет свое начало именно здесь: смерть придает жизни «смысл», она – предваряющее условие «истинной» жизни человека. Осознанное принятие смерти считается прерогативой человека, знаком его свободы. Marcuse видит «странный мазохизм» в тенденции некоторых философов превращать бессмысленное и жестокое явление в экзистенциальную привилегию. Значение смерти, по его мнению, эмпирическое и поэтому, в конечном счете, историческое. Существует необходимость пожертвовать жизнью отдельного индивидуума ради того, чтобы продолжалась жизнь «целого», – не вида как такового, а совокупности социальных институтов и отношений, установленных людьми. Без подтверждения своей приоритетности эта совокупность может оказаться под угрозой разрушения. Он даже предполагает, что инстинкт смерти не является в первую очередь биологическим, но стал «второй натурой» под воздействием цивилизации.

Мы не можем дать точное определение абстрактной экзистенциалистской концепции смерти потому, что экзистенциализм имеет дело с конкретным человеком и с непосредственностью его личного опыта. Также мы не можем поместить экзистенциализм ни на сторону, придерживающуюся мнения об ограниченности жизни, ни на сторону, считающую ее бесконечной, так как в то время как одна школа трактует смерть как небытие, другая выступает за бессмертие в религиозном или метафизическом контексте. Для Сартра (Sartre) (23) смерть это то, что в принципе уничтожает весь смысл жизни; для Heidegger (24) встреча со смертью дарует «аутентичность» существования и «великую радость». Тем не менее, экзистенциалистская интерпретация тревоги будет здесь уместна, и для ее освещения я буду основываться на онтологическом анализе Tillich (25).

Переход в другое состояние

Если смерть является полным уничтожением, то никакие абстракции не могут «объяснить» ее. Как говорит Sternberger (26), ужас и абсурдность смерти невозможно преодолеть интеллектуализацией. Большинство людей способны примириться с тем, что они смертны, только если есть уверенность, что со смертью существование не прекращается. Результатом этого коллективного запроса явилось появление второй группы моделей смерти, которые отрицают окончательный характер смерти и предполагают наличие каких-либо форм бессмертия. Вне зависимости от того, на чем они основываются и каким целям служат, теологические и метафизические концепции перехода в другое состояние могут быть признаны абстрактными значениями смерти.

У всех великих религий есть своя эсхатологическая доктрина и все они провозглашают ту или иную форму загробного существования, будь то бессмертие души, воскрешение, или реинкарнация. Считается, что именно желание вечной жизни обуславливает существование религии или, по крайней мере, поддерживает веру в Бога. «Религия», писал William James (27), «для большинства представителей нашей расы означает бессмертие и ничего более. Бог – поставщик бессмертия». Однако религия необязательно появляется из-за желания бессмертия: так, в иудаизме вера в Бога не сопровождается идеей загробной жизни; вера в Бога не умерла и с приходом Просвещения.

Choron (28) утверждает, что обзор взглядов выдающихся философов показывает, что философская мысль, в целом, отрицает существование бессмертия для индивида. Это не означает, что философы не предпринимали попытки найти неэсхатологическое обоснование бессмертия. Создается впечатление, что, по крайней мере, в некоторых случаях аргументация является надуманной, и представляет собой попытку подвести рационалистическое обоснование под то, что философ черпает из догматических представлений или из страха перед своей собственной смертью. Борьба между натуралистическим отношением к смерти и невыносимостью мысли о полном исчезновении ясно прослеживается в работах Упамано (29). Некоторые из метафизических доводов становятся слишком обезличенными, чтобы иметь отношение к реальной проблеме, например, остается ли то, что определяет сущность человека, после его смерти. Эти доводы валидны в качестве философских предположений, но не имеют значения для тех, кто надеется продолжить существование как личность после своей кончины. Что касается меня, то я не нахожу утешения в таких концепциях, как «Идеи» Платона, «метаморфозы» (Лейбниц), рассуждениях о неподдающемся разрушению человеческом разуме (Спиноза), о продлении существования до бесконечности, дабы удовлетворить нравственную потребность в добродетели (Кант) и о невозможности небытия в безграничной вселенной (Бруно).

Индивидуально-психологические концепции смерти

Экзистенциальные модели смерти принадлежат к индивидуальному опыту и, следовательно, бесконечно многообразны. Так много людей встречаются с определенными обстоятельствами, придающими смысл смерти, что ее значение, имея общую для всех почву, может даже быть ошибочно принято за нечто в структуре бытия. По моему мнению, это является основой для концепции смерти как несчастного случая и тревоги во всей своей многозначности. Помимо этой, возможно, универсальной интерпретации, мы можем открыть множество смыслов для одного и того же человека, а не только для коллектива. Только глубокая эмпатия в психотерапевтической обстановке может помочь в понимании того, что смерть означает для другого человека. Наиболее проникновенные образы умирания, равно как и реакция на них, формируются задолго до развития эмпирического знания о смерти. Более того, из-за того, что они находятся в подсознании, в представлениях одного и того же человека могут существовать противоречащие друг другу дополнительные значения; таким образом, встречаются идеи о смерти как об избавлении от зла и как о самом зле, о смерти как о возлюбленном или спасителе и о ней же как о разрушителе, смерть то представляется удовлетворением потребности в любви, то невозможностью удовлетворения любых потребностей, в ней видится то нарциссическое совершенство, то полный крах. Эти представления лишь на уровне логики противоречат друг другу, но каждое значение или установка основывается на жизненном опыте. Эти глубинные значения являются определяющими в отношении индивидуума к смерти, и их следует отличать от сознательно принимаемых, «концепций», которые, как правило, оказывают лишь незначительное влияние.

Интуиция подсказывает, что «психология смерти» принадлежит «психологии жизни». Не существует, конечно, психологии небытия. Когда мы изучаем человеческое существование, нас поражает всеобъемлющая сущность смерти, стремление к ней и страх перед ней, со всеми развившимися защитными механизмами. Когда мы изучаем реакцию на смерть, нас поражает ее многозначность в контексте человеческой мотивации. «Для того, чтобы постичь истинное значение смерти», говорит Carrel (7), «нужно изучать жизнь, а не смерть». Как замечает Heidegger (24), умирающий человек не сознает проникновения в процесс смерти, демонстрируя только ее характерные особенности. Bromberg и Schilder (30) убеждены, что «все жизненные желания находят выражение в идее смерти ... и смерть становится совершенным символом жизни.» При анализе суицидальных мотивов обнаружено, что самоубийство является не просто отказом от жизни, а призвано выполнять определенные цели. Это один из способов разрешения жизненных проблем.

Я убежден, смысл смерти у мужчин и женщин различен. Это верно даже для понятий на уровне сознания, но становится еще более впечатляющим при глубинном изучении. Понимание смысла смерти, ее глубины и оттенков, свойственных женщинам, позволяют более глубоко проникнуть в женскую психологию. Эту мысль я подробно осветил в книге «Страх быть женщиной».

Одним из парадоксов в психологии смерти является то, что мы, признавая, что все люди смертны, себя лично таковыми не считаем. По крайней мере, заявляет Hocking (31), человек скептически воспринимает мысль о своей собственной смерти, особенно масштаб ее разрушительного влияния. Это не обязательно защитный механизм – ничто не кажется более естественным, чем естественная смерть. Мы довольно легко можем представить себе смерть других людей, но только не свою собственную. Утверждение Freud (32), что в глубине души никто не верит в собственную смерть, подтверждается всеми исследованиями по этой теме. Например, Bromberg и Schilder (30) задали вопрос «Вероятна ли для вас ваша собственная смерть?» группе нормальных, разумных людей, три четверти опрошенных ответили, что их смерть,

несомненно, кажется им маловероятной. Им было трудно представить смерть в качестве реальной для себя угрозы. Обычный ответ был: «Это невозможно, но неизбежно»; а многие из них сочли бы собственную кончину невыносимой, полагая, что будут жить вечно. Такая, лишенная реальности, установка, возможно, отражает некое, присущее живым, чувство неуничтожимого единства жизни (33), но также используется в качестве защиты от угрозы смерти. При более глубоком исследовании можно выяснить, что убеждение в собственной неуязвимости относится не к естественной смерти, а к гибели в результате трагических обстоятельств. В этом случае не существует подлинных противоречий между страхом смерти и уверенностью в своей возможности избежать ее. Точно так же нет противоречия между отрицанием и страхом смерти с одной стороны и стремлением к ней с другой в том случае, если мы рассматриваем желание смерти как адаптацию к угрозе. Хотя все три направления, – отрицание, страх, желание, – являются динамически взаимосвязанными, пара логически противоположных тенденций, таких, как отрицание-страх или отрицание-желание, может охарактеризовать дух, или говоря о коллективном выражении, культуру, религию или историческую эпоху. Vorkeuau (34) выдвигает предположение, что опыт смерти, противоречащий сам себе, является ведущей силой в формировании человеческой истории. Он убежден, что противоречивые установки, которые можно обнаружить у отдельных индивидуумов, одинаково задействованы в каждой культуре и во взаимоотношениях между цивилизациями, и что смена великих эпох в процессе исторической эволюции отмечена переменами в отношении общества к смерти.

Самые глубинные значения и установки были в большинстве случаев выявлены в ходе исследования психически больных людей, без контрольной группы «нормальных», поэтому может быть поднят вопрос о том, являются ли эти клинические данные нормативно достоверными. По-видимому, являются, так как исследования смысла смерти и установок по отношению к ней, проведенные среди людей, не страдающих душевными заболеваниями, например, детей, студентов колледжей, работающих и пенсионеров, дали результаты, согласующиеся с данными психотерапевтов. Ни одно из значений не может быть охарактеризовано как присущее только душевнобольным. Некоторые значения смерти могут выступить вперед в связи с болезнью, но болезнь не является причиной их появления. Одним из тезисов этой книги является то, что смысл, (особенно трагические), порождает болезнь. Не все представления о смерти являются негативными. Некоторые могут быть и позитивными, по крайней мере, до тех пор, пока их тщательно не рассмотрят с критической точки зрения.

Позитивные представления

Избавление. Одно из значений смерти, служащее оправданием самоубийству, и часто выдвигаемое в качестве суицидального мотива – это выход из невыносимой ситуации. Смерть прекращает боль, избавляет от непереносимого ощущения неадекватности или краха, стыда, унижения или позора, приближающегося отвержения, одиночества, тщетности жизни и усталости от нее, отвращения к своему существованию, или зависимости и унижительности старости¹. Избавление кажется валидным значением, но весьма сомнительным мотивом, если начать размышлять о том, как настойчиво человеческие существа цепляются за жизнь даже при самых тягостных и ведущих к деградации обстоятельствах. Очень мало людей заканчивали жизнь самоубийством в нацистских концентрационных лагерях. Возможно, мы ищем освобождение не от внешней ситуации, и даже не от осознаваемого страдания, а от неосознанного конфликта, который и создает рационализированный мотив. Этот конфликт имеет отношение к смерти:

¹ В известном средневековом труде (35) смерть рассматривается как «ничто иное, как выход из темницы, конец изгнания, избавление от тяжкого бремени, которым является тело, исцеление от всех немощей, спасение от всех опасностей, уничтожение всего дурного, разрыв всех оков, выплата природного долга...»

его ужасающие неопределенность и агрессия, а также боязнь агрессии, неотделимы от смерти в подсознании человека.

И как значение, и как мотив, избавление никогда не бывает просто прекращением страданий, освобождением от бремени, но всегда – выходом куда-то. Смерть – это порог перед лучшим миром и лучшей жизнью. В значительной степени, ее можно постичь скорее в выражениях обещания, чем в выражениях избавления: влюбленные, например, после *Liebestod* (смерти вместе) предвкушают жизнь в осуществленном желании. Одним из общепринятых ожиданий является обретение справедливости. Ребенок ожидает от взрослой жизни компенсации за все несправедливости, и точно с таким чувством смотрят на будущее, как земное, так и загробное, взрослые мужчины и женщины. Справедливость *должна* восторжествовать. Если не в этой жизни, то в следующей, мы узнаем не просто покой, но безусловное принятие и уважение нашей индивидуальности, освободимся от злобы и агрессии других и очистимся от чувства страха и вины сами. Если бы смерть была полным исчезновением, то это было бы величайшей несправедливостью. Эта вера в окончательное воздаяние и удовлетворение поддерживает убеждение о собственно бессмертии, это убеждение поддерживает волю к жизни.

Сон. Идея о смерти как о сне, возможно, является больше чем метафорой и утешением. Lewin (36) убежден, что на ранних этапах жизни различие между «хорошим» и «плохим» делается, по видимому, в соответствии с двумя видами сна. Крепкий, безмятежный сон младенца у материнской груди – модель хорошего сна. Сон, потревоженный органическим влиянием и дурными сновидениями, – плохой сон. С двумя видами сна коррелируют два взгляда на смерть. Идея о смерти как о безмятежности, состоянии покоя соответствует сну младенца, который ничто не тревожит. Это состояние обладает свойством бессмертия, состоянием бесконечного блаженства.

Воссоединение. Вера в воссоединение с умершими людьми является осознанной и воспитанной культурой. Когда существует сильное отождествление себя с умершим человеком, или зависимость от него, то желание воссоединения с ним может привести к самоубийству. Это справедливо даже по отношению к детям. Keeler (37) обнаружил, что у большинства детей, госпитализированных из-за их реакции на смерть родителя, появлялись мысли о воссоединении, которые выражались в снах, фантазиях и галлюцинациях. Примерно половина из них думала о самоубийстве, а некоторые предпринимали серьезные суицидальные попытки. Иногда необъяснимая смерть пожилого мужчины или женщины кажется выражением желания соединиться с умершим супругом. Идея воссоединения является одним из неосознанных или частично осознанных определяющих факторов самоубийства и вне связи с тяжелой утратой (38). Greenberg (39), в процессе изучения фантазий о воссоединении, обнаружил, что существуют люди, находящиеся в состоянии депрессии, которые, разочаровавшись в своих взаимоотношениях с живыми, обращаются к мертвым; люди с органическими заболеваниями, которые, для того, чтобы справиться с переживаниями по поводу собственной смерти, обращают свои чувства к ушедшим в мир иной любимым людям; относительно здоровые люди, у которых появляются фантазии на эту тему тогда, когда налицо стресс, вызванный предстоящим хирургическим вмешательством.

На подсознательном уровне воссоединение означает возвращение в материнское лоно. Какое-то время я воспринимал эту идею как поэтический образ, но она слишком часто встречается в психотерапевтической практике и литературе (40), чтобы относиться к ней как к созданному воображением способу отрицания смерти. Это психическая реальность, возможно, универсальная, и иногда обладающая сильной мотивационной силой. Rank (41) писал, что смерть подсознательно воспринимается как возвращение в лоно матери, и что с мыслью о смерти связано чувство удовольствия от возобновления внутриутробного существования. Jones (42) отмечает, что идея о том, что смерть означает «возвращение на небеса, откуда мы пришли в этот мир, то есть, в лоно матери», является весьма обычной для размышлений в религии.

озных сферах. Желание умереть вместе, говорит он, есть ничто иное, как желание лечь и уснуть вместе, изначально с матерью. Согласно наблюдениям Grotjahn (43) «Самые прекрасные сны очень часто бывают снами о смерти и воссоединении с матерью в первозданной любви». Chadwick (44) различает «смерть-мать», воспринимаемую как благотворное возвращение во внутриутробное состояние, и «смерть-отца», которая воспринимается как действие жестокого родителя. В то же время, для женщины «смерть-мать» может быть нежелательной и враждебной из-за материнской ревности к своей дочери.

У фантазии о возвращении к матери имеется и негативный аспект; на самом деле, она является источником страха смерти. Эта фантазия может означать удовлетворение гетеросексуального или гомосексуального полового влечения. (Мужчина или женщина также могут воспринимать смерть как кровосмесительный союз с отцом.) Смерть – осуществление желания и наказание, инцест и смерть неразделимы. Однако, я полагаю, что более важным является значение возвращения к матери как формы уничтожения без вовлечения сексуальности. Таким образом, возвращение назад сводится к недифференцированному состоянию, что равносильно уничтожению эго, но страх активного уничтожения еще больше. Мать не только Земля, лоно, дающее приют, но также источник самых ужасающих образов смерти. Grotjahn (43) верит, что боязнь смерти берет начало в ранней оральной стадии, на которой присутствует страх уничтожения «грозной матерью». Deutsch (46) говорит, что для женщины младенческое соединение с матерью опасно и возвращение к нему таит в себе угрозу психоза и даже смерти. Это та самая угроза, от которой женщина вынуждена защищаться на протяжении все своей жизни. Она борется с амбивалентным стремлением: желанием вернуться к кормящей матери и страхом быть подчиненной деструктивной матерью. Этот конфликт подробно исследован в книге «Страх быть женщиной».(1)

Рождение заново. Возвращение в лоно матери подразумевает рождение заново в той же мере, что и воссоединение с ней. Фантазии о повторном рождении и страстное желание эго, в смысле духовного возрождения и даже реинкарнации, возможно, являются универсальными. Bromberg и Schilder (47) рассматривают идею о повторном рождении как часть мира иллюзий каждого человека и убеждены, что желание возродиться является прочно укоренившейся установкой по отношению к смерти. Мы не предполагаем, что смерть уничтожит нас, но ожидаем возрождения в вечном триумфе. Значение обновления может нести в себе не только смерть, но и необычный опыт: конвульсивные припадки, произвольные или спровоцированные, переживаются человеком как смерть и повторное рождение, или реинкарнация. Широкий спектр значений в психологии повторного рождения исследуется Юнгом (Jung)(48), а его значение в литературе изучает Hallman.

Если смерть является не возрождением, а уничтожением, то тогда все ценности сводятся к нулю. Именно желание сохранить свое сознание для того, чтобы не утратить жизненные ценности, полагает Hocking (31), служит причиной отказа воспринимать смерть как уничтожение. Интерес к продолжению существования после смерти личности, наделенной сознанием, как необходимое условие для сохранения значения вещей, может быть в большей степени признаком разумности, чем желания собственного бессмертия. По тому же признаку, уничтожение ценностей в процессе существования имеет значение смерти, смерти при жизни. Мы умираем внутри себя, теряя индивидуальность в конформизме, утрачивая чувствительность или духовную благодать, теряя ощущение смысла происходящего или будущего, а также утрачивая человеческие отношения. «Ни смерть не равна, ни жизнь», говорит Fraenkel (50). «Смерть при жизни – вот великий уравниватель... Мы никогда не сможем постичь Смерть. Мы испытываем только смерть за смертью, в то время как годы уходят от нас, оставляя за собой разлуку и расставания... обиду и боль: шрамы». Чрезвычайно ярко тема «руин в душе» выражена в поэзии Т. С. Элиота, особенно в произведении «Неискренние люди».

Любовь и сексуальность. Между смертью и любовью явно существуют определенные связи. Желание соединиться с человеком, любимым при жизни, – одна из них. Другая связь – пожертвование своей жизнью во имя любви к стране, семье, другу или приверженности принципам и идеалам. Nocking (31) говорит о смерти как о «цене любви» в рождении новых поколений, а Бердяев (52) комментирует его слова, заявляя, что такая идея может принадлежать только стадному уму, который знает только одно лекарство против смерти – рождение. Победа рождения над смертью не имеет ничего общего с человеческой индивидуальностью и, таким образом, является иллюзией.

Кто-то может испытывать подсознательное желание смерти, чтобы обрести любовь в этой жизни, а не следующей. Эта идея кажется парадоксальной и труднообъяснимой, но только не в сознании ребенка. Ребенок отвергаемый враждебной матерью убежден, что ему не стоит существовать, так как мать хочет его смерти. Своей смертью он надеется успокоить ее и приобрести ее расположение. Представление о том, что потребность в любви может быть удовлетворена только через смерть особенно устойчиво в сознании женщин. Материнская любовь – это награда смерти.

Некоторые думают о смерти как о любви не в чувственном смысле и не в смысле достижения цели, а в самом прямом значении. Sparkenbroke (40) относился к смерти так, как другие мужчины относятся к любви; понятие «любовь» для него имело окончательность смерти. (Это не то же самое, что любовь к смерти у Романтиков.)

Мучительность осознания человеческой смертности кроется не только в мыслях о собственной кончине, но и в потере любимых и даже в смерти посторонних. Бердяев (53) признается в «жгучем желании вернуть жизнь всем тем, кто умер». Marcel (54) убежден в том, что человек не может примириться со смертью потому, что искренней любви сопутствует желание бессмертия для своего любимого. Vinswanger приписывает бессмертие самим любовным отношениям, так как смерть не может поколебать веру в любовь; любовь способна пережить все временное, она – вечна.

Некоторые философские заявления о любви и смерти трудны для понимания. Трудно понять природу связи в следующем утверждении Бердяева (52):

«... жизнь не только в своей слабости, но и в своей силе, интенсивности и сверхизобилии тесно связана со смертью. ... Это проявляется в любви, которая всегда связана со смертью. Страсть, т. е. выражение высочайшей интенсивности жизни, всегда содержит в себе опасность смерти. Тот, кто приемлет любовь во всей ее ошеломляющей силе и трагедии, приемлет смерть.... В эротической любви интенсивность жизни достигает высочайшего пика и ведет к уничтожению и смерти».

Не менее труден для понимания Фейербах (Feuerbach) (56), когда он пишет, что любовь была бы не полной, если бы не было смерти. Смерть – это последняя жертва, последнее доказательство любви. Только один раз человек является самим собой, это происходит в момент прекращения существования. В связи с этим, смерть является одновременно и выражением любви, именно потому, что она отражает истинную сущность человека.

В сознании женщины смерть может быть персонифицирована как возлюбленный – идея, которая широко представлена в литературе и искусстве. Смерть – это одновременно и насильник, которому с мазохистской покорностью подчиняется женщина, и нежный любовник, которого она с радостью заключает в объятия. В разговорах и снах некоторых женщин сексуальный образ смерти выражается почти буквально, а некоторые, оказавшись на грани смерти, фантазируют о том, как она, в образе мужчины, унесет их.

Bromberg и Schilder (30) дали описание «истерической» концепции смерти. Эта концепция рассматривает смерть как полную потерю индивидуальности в экстазе любви; в этом слу-

чае умирание равносильно окончательному слиянию в сексуальном акте. Некоторые из обследованных субъектов чувствовали, что в состоянии экстаза, сексуального или родственного ему, смерть могла бы быть приемлемой. Некоторые представляли себе смерть в ситуациях, связанных с любовью, но без сексуального контакта. Авторы интерпретируют подобные тенденции как родственные предвкушению сексуального удовлетворения и, возможно, отражающие установки наиболее сдержанных в сексуальном отношении индивидуумов. Смерть, скорее, связана с нежными чувствами и экстатическими аспектами любви, чем с чисто эротическими. Для некоторых людей оргазм несет в себе угрозу взрыва или уничтожения, и временная потеря эго и последующий период удовлетворенности могут иметь значение смерти.

Основываясь на опубликованных материалах, Jones (57) анализирует психическое состояние женщины, погибшей вместе со своим мужем на Ниагарском водопаде, когда там сорвалась ледяная глыба. Супругов можно было бы спасти, если бы не полное оцепенение жены. Jones интерпретирует ее пассивность как выражение подсознательного стремления к смерти, приравненной в ее представлениях к беременности (женщина была бесплодной). Идея личной смерти не присутствует в подсознании, будучи заменена идеей о сексуальном соединении или родах, и совместная гибель может выражать желание произвести ребенка с любимым человеком. Исход мог бы быть другим, если бы мысли этой женщины о рождении ребенка приняли форму фантазий о чем-то или своем собственном спасении. Подобные предположения не кажутся чересчур шаткими для тех, кто знаком с ассоциативной близостью идей о сексуальности, родах и смерти в женских представлениях.(58)

Другие значения. При формировании суицидальных идей отчетливо проявляются некоторые другие значения смерти, которые можно оценить как позитивные. Они являются позитивными потому, что они привязаны к позитивным целям и не просто представляют собой уход от фрустрации или отчаяния, или ретрофлексивное убийство. Такие соображения могут быть латентными у многих людей. Смерть может быть исцелением, просьбой о прощении, она может означать экзальтацию инфантильного нарциссизма, может выражать победу над неопределенностью и бедствиями жизни, может быть попыткой сообщить что-то, может быть одним из способов идентификации.(59) Не существует полного «концепций» смерти. Значения смерти кроются в разнообразии жизни, и только когда мы поймем душу индивидуума, мы сможем понять его личный смысл смерти. Варианты разнообразны до бесконечности.

Негативные представления

Разлука. Идея разлуки является частично осознаваемой идеей смерти. Это неподдающееся определению, несвоевременное и непоправимое уничтожение всех связей и планов. «Боль разлуки, разрыв наших объятий, обрыв крепких связей, оставшиеся невыполненными столь лелеянные проекты вызывают отвращение к уходу в мир иной», говорит Hazlitt (60). Идея разрыва вносит вклад в катастрофическую концепцию смерти. Вера в бессмертие не приносит утешения, так как, что бы ни ожидало нас после, смерть означает уничтожение всех земных привязанностей и стремлений. На самом деле, мысль о бесконечном загробном существовании с сохраненным сознанием и памятью может вызвать ужас перед одиночеством и оторванностью от всего, что было так дорого. Эта мысль вынуждает уповать на встречу с любимыми людьми на небесах.

Считается общепринятым, что, в своей основе, разлука означает отделение от матери. В ней может отсутствовать побочная идея наказания, но наиболее существенное для нее значение – оставление матерью. Хотя для младенца просто отсутствие матери ставит под угрозу дальнейшее существование, разлука начинает ассоциироваться со злым умыслом, то есть отказом от ребенка. Смерть приравнивается к преднамеренному уходу матери. По-видимому, боязнь разлуки универсальна, она служит основным источником страха смерти на протяже-

нии всей жизни, даже у пожилых людей, потому, что, подобно всем ранним образованиям, она остается и после периода младенческой беспомощности и младенческих интерпретаций. Bromberg и Schilder (47) сообщают, что у людей с истерией и неврозами, вызванными тревогой, в концепции смерти преобладает идея разлуки с любимым, который воспринимается как неосознанный объект инцеста. Смерти боятся потому, что она означает неожиданное исчезновение. Я уверен, что идея разлуки, как правило, характерна для неврозов и психозов и косвенно подразумевает наказание, возможно, за желание инцеста. Страх разлуки с матерью, (как с источником жизни или объектом инцеста), мотивирует желание вернуться в материнское лоно; но эта регрессия означает не просто потерю индивидуальности, но и подавление материю-разрушительницей, которая уничтожает намеренно или с целью наказания. Этот конфликт между страхом разлуки с матерью и боязнью ее деструктивной силы является основным среди всех конфликтов, присущих человеку.

Потеря. Смерть обязательно в той или иной форме подразумевает потерю: полную потерю всего, потерю телесности или определенных физических признаков жизни, потерю своего «Я», потерю жизненных ценностей, потерю возможности получать удовольствие, потерю всего мира и так далее.

Детское эмпирическое знание о смерти сводится к восприятию двух объективных параметров: потери способности двигаться и прекращения восприятия при помощи всех органов чувств, особенно зрения. Эти параметры перестают ассоциироваться со смертью или символизировать ее, а воспринимаются как сама сущность состояния смерти. Смерть – это состояние неподвижности. Chadwick (44) указывает, что если ограничить физическую активность ребенка или создать препятствия для его мышечной деятельности, через некоторое время он начнет жаловаться: «Вы меня убиваете». Это уравнивание смерти с насильственным обездвижением остается для человека неизменным на протяжении всей жизни и придает более чем символическое значение таким выражениям как: «леденящая рука смерти», «в объятиях смерти». Подобным образом, смерть означает невозможность видеть и быть увиденным, появляются символы темноты и потери возможности видеть Бога и быть увиденным им. Schilder (61) упоминает о потере равновесия как об одной из инфантильных ассоциаций со смертью. Все эти корреляции помогают понять тревогу, вызванную угрозой потерять подвижность и способность чувствовать, например, в связи с наркозом, головокружением, сенсорно-депривационными экспериментами и состояниями, а также с послеоперационными ограничениями, особенно если они ассоциируются с временной потерей зрения. Для ребенка потеря родительской любви, в особенности, материнской, является катастрофой. Потеря любви означает незащищенность перед опасностями, включая угрозу деструктивных импульсов матери. Биологически, по определению Vichat (62), жизнь является совокупностью тех функций, которые оказывают сопротивление смерти; психологически же, она может быть определена как совокупность внешних и внутренних защитных механизмов, противостоящих смерти. Для маленького ребенка отсутствие или лишение родительской любви становится серьезным нарушением защиты, так как оно означает потерю заботы и возможности удовлетворять свои жизненные потребности, а также уязвимость при нападении. Борьба со смертью – это борьба, требующая силы. Мы используем внешние способы защиты и свои внутренние ресурсы, чтобы противостоять агрессивным воздействиям окружающего нас мира и собственному стремлению к саморазрушению. Смерть означает потерю силы или беспомощность, в то время как чувство победы над смертью возникает при подавлении других людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.